

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XVIII

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ
ПАМЯТИ А. В. КОРОЛЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы:
Москва 1976

Б. А. Вальская

**ДИСКУССИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ
О РУССКОМ СЛОВАРЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ Я. В. ХАНЫКОВА (1847 г.)**

Выдающийся географ и картограф Яков Владимирович Ханыков внес большой вклад в изучение России и сопредельных восточных стран. Настоящая статья посвящена 150-летию со дня рождения этого замечательного ученого.

К концу 40-х годов XIX в. было собрано значительное количество материалов по географии России и сопредельных восточных стран; на очередь встала задача их научной обработки и систематизации. В отчетах Географического общества подчеркивалось, что разработка географической терминологии была важнейшим условием развития теории географии, необходимость в которой ощущалась многими учеными. В эти годы Общество было единственным географическим учреждением в России. Оно пользовалось большим авторитетом, и ему было под силу решить этот важный вопрос.

В 1847 г. Ханыков внес в Совет Географического общества предложение о разработке и составлении русского словаря географической терминологии, что должно было содействовать решению важных методологических проблем географии.

5 февраля 1847 г. на общем собрании Географического общества Ханыков сказал: «Совет общества пригласил меня развить и разъяснить в настоящем собрании предположение мое о составлении Русского словаря географической терминологии. Вместе с тем я узнал с радостью, что мысль эта нашла себе защитника в одном из почтенных сочленов наших — Густаве Федоровиче Стефане, который одновременно со мною представил подобное же предложение Совету. Это ободряет меня и заставляет надеяться, что те неполноты и промахи, которые несомненно встретятся в моем объяснении, будут пополнены и исправлены г. Стефаном» [40, 1847 г., л. 1].

Полковник Генерального штаба Густав Федорович (Карлович) Стефан, о котором упоминает Ханыков, с 1834 по 1844 г. был профессором военной географии в Военной академии. Его записка в Совет Общества сохранилась в архиве [там же, лл. 16—20].

В докладе Ханыков сказал, что для пользы науки необходимо «определительно выражать свои исследования о ней и точно понимать результаты чужих изысканий». Он обратил внимание на то, что в географической науке отсутствуют многие важные термины, а имеющиеся не уточнены. Причинами этого были незначительность научной деятельности в этой области, «невыработанность и неполнота русского ученого языка» и то обстоятельство, что «география должна при-

нимать множество местных названий общепотребительных и известных лишь на одном, часто небольшом пространстве». В целом «неточность и неполнота русского географического языка были следствием необработанности географической теории вообще» [там же, л. 1].

В качестве примера Ханыков привел неточность употребления понятия «цепь гор», следствием чего явился «произвольный рисунок» горных цепей и хребтов земного шара. В трудах Ф. Бюаша «воображаемые хребты гор» тянулись из Средней Азии и Африки в Европу и Америку. Ж. Л. Бюффон доказывал, что горы тянутся по меридианам и параллелям. Его последователь И. Гаттерер предлагал даже «определять горами широту и долготу». П. С. Паллас представлял горные цепи в форме «остова животного».

Ханыков писал, что честь уничтожения этих «несообразностей, столь много вредивших успехам географии», принадлежала А. Гумбольдту и Л. Буху. Но Ханыков считал, что нельзя было включать горы в одну систему, основываясь только на «направлении или геогностическом строении их». И Гумбольдт был неправ, соединяя в одно целое Урал и Устюрт. «В географическом смысле,— писал Ханыков,— т. е. по характеристике местности, нет ничего общего между киргизскими степными возвышенностями и лесисто-каменными толщами Урала» [там же, л. 3].

Ханыков считал, что в состав предполагаемого словаря должна войти не «географическая номенклатура, т. е. имена собственные, а лишь названия родовые или видовые». В качестве примеров он приводил термины, характеризующие рельеф местности,— «гора, хребет, долина, лощина», а также такие важные понятия в географии, как «степь, тундра». Он подчеркивал, что «задача словаря не ограничиться одним приисчислением наиболее соответствующих названий уже готовым и установленным понятиям, но сверх того будет иметь предметом точнейшее определение и объяснение не вполне выработанных и развитых частей географической теории, и словарь будет в некотором смысле энциклопедией ее» [там же, л. 4].

Касаясь непосредственно содержания словаря, он указал, что оно определится «предметом географии и согласно с этою наукою должно подразделиться на три главные части: математическую, физическую и топографическую». Ханыков дает свою классификацию географических наук, называя их «разрядами понятий». Понятия **физической географии** он делит на четыре разряда: **орографические, гидрографические, климатологические** и понятия, **«выражающие свойства местности»**. К последнему разряду относятся «понятия о разных родах почвы, болотах, лесах, степях, солончах, т. е. вообще признаки геогностической и ботанической характеристики местности».

Наиболее многочисленным Ханыков считал разряд **топографических понятий**. Его он подразделял «на два главных вида: термины этнографические, как, например, племя, род, поколение, аймак, тюбя», и статистические, относящиеся к разным видам «проявления жизни народной, или народного быта, например понятия о городах, селах, деревнях, погостах, дорогах, каналах».

Ханыков обращал внимание членов Общества на важность отбора географических терминов и отграничения их от смежных наук: математической географии от астрономии; терминов, выражающих свойства местности от геогнозии и ботаники, «не имеющих непосредственного географического значения».

Ханыков считал, что при определении терминов различных отраслей географической науки необходимо учитывать особенности их паз-

ения. «Определение терминов математической географии,— писал он,— представит наименее затруднений по установившейся уже точности их значения».

Что касается разряда климатологических понятий, то «многие,— по словам Ханыкова,— могут усомниться о правах понятий, в него входящих, на получение места в географическом словаре, но исчисление различных воздушных явлений, как, например, бурь, разного рода ветров и т. д., столь неизбежно во всех изложениях путешествий и даже систематических землеописаний, что кажется необходимо хотя в известной мере допустить климатологическую терминологию в предполагаемый словарь».

Ханыков предупреждал, что при выборе этнографических и статистических (экономико-географических) терминов «потребуется особая осмотрительность для избежания всяких излишеств, так как иначе по разнообразию предметов, входящих в топографическое описание местности, размеры словаря могут слишком увеличиться».

В физико-географических, этнографических и экономико-географических понятиях очень важно, писал Ханыков, различать «названия общие и местные; первые укажут теоретическим изучением географии, вторые — местными изысканиями».

Кто же мог составить русский словарь географической терминологии? Ханыков писал, что от Академии наук невозможно было «ожидать подобного труда», она, «если бы и могла войти в объяснение всех подробностей географической терминологии, не вправе решать задач географической теории». Отдельный ученый не смог бы справиться с этой задачей, так как словарь, «будучи выражением мнения частного человека, не достиг бы главной цели, т. е. установления однообразной терминологии и в общем употреблении». Выполнить эту большую работу могло только Географическое общество, «где соединены почти все пишущие на русском языке о географии и даже занимающиеся у нас этой наукой» [там же, 1847 г., л. 4].

В результате критики авторитетов у Ханыкова появились противники, тормозившие осуществление его идеи. В протоколе общего собрания Географического общества от 5 февраля 1847 г. было отмечено, что Ханыков «изложил словесно свои мысли о необходимости словаря географической терминологии», а В. Ф. Одоевский «сообщил свое мнение о способе составления подобного словаря» [42, 1847 г., л. 104].

Обсуждение предложения Ханыкова продолжалось с февраля по май — на четырех ежемесячных общих собраниях, а после летних каникул возобновилось уже в комиссии, созданной для установления географической терминологии, подготовки документов и для рассылки их любителям географии.

Важно отметить, что помощник председателя Общества Ф. П. Литке на собрании 8 января 1847 г. предложил членам Общества провести широкую дискуссию. Он сказал, что для придания собранию «большей жизни и большего значения весьма полезно было бы: если б по примеру почти всех подобных нашему Обществ завелся у нас обычай общественных рассуждений во время самого заседания» [42, 1845 г., л. 93].

Очень скоро дискуссия о словаре географической терминологии вышла за пределы Общества. Редактор газеты министерства иностранных дел, издававшейся в Петербурге на французском языке, А. Б. Рихтер опубликовал в ней отчет о докладе Ханыкова [38].

А. Б. Рихтер (1809—1859) был дипломатом. После окончания Царскосельского лицея он служил старшим секретарем при русской миссии в Дрездене. С 1843 г. состоял членом Главного управления цен-

зуры министерства иностранных дел, с 1847 по 1855 г. он управлял третьей экспедицией Особенной канцелярии при этом министерстве, а в 1856 г. был назначен чрезвычайным посланником в Бельгию.

Рихтер был активным членом Географического общества по отделению статистики, интересовался географической терминологией.

В отчете, опубликованном в «Journal de Saint-Peterbourg», Рихтер писал, что в первую среду февраля Географическое общество провело свое второе ежемесячное заседание, которое было довольно многочисленным. В начале заседания секретарь Общества сделал краткий обзор деятельности Совета и отделений Общества и подробно остановился на подготовке экспедиции на Северный Урал. После этого выступил Я. В. Ханыков, привлечший внимание членов Общества к необходимости составить новый словарь научных терминов, встречающихся в математической географии, физической географии, статистике, этнографии, а также в орографии и гидрографии. Ханыков указал на трудности, возникающие при составлении словаря, вследствие того, что русский научный язык еще не оформился и часто одни и те же термины употребляются в различных значениях.

Рихтер приветствовал предложение Ханыкова и согласился с тем, что на пути его осуществления стоят большие трудности. Но он возражал против методов составления словаря, предложенных Ханыковым. Вместе с этим Рихтер выразил сожаление, что на собрании члены Общества не высказались по существу предложения Ханыкова. Это объяснялось тем, что присутствовавшие не были подготовлены к обсуждению предложения Ханыкова. Рихтер выразил уверенность, что обсуждение вопроса о географической терминологии будет продолжено.

«Санкт-Петербургские ведомости» напечатали информацию о докладе Ханыкова значительно позднее. Корреспондент отметил, что Ханыков «изложил в краткой речи мысли свои о необходимости установить в русском языке географическую терминологию, т. е. условиться о значении родовых и видовых названий географических понятий, например слов: долина, хребет, ключ, бор, мочажина, степь, гора, ущелье, лощина, ложбина, залив, губа, река, ручей, русло и проч., и дополнить ученую терминологию, усвоив ей слова, имеющие местное употребление, но не получившие ученого характера по своей неопределенности или малоизвестности, например сырт, буран, пал, копань ерик, отпрядыш и др.» [31].

Далее корреспондент отметил, что Ханыков считал полезным, чтобы Географическое общество «составило Русский словарь географической терминологии. Подобное издание от имени Общества, в коем соединены большая часть лиц, пишущих у нас по географии, получило бы у нас достаточный авторитет, чтобы принятое в словаре определение названий вошло бы во всеобщее употребление» [31]. Но о дискуссии в этой статье ничего не говорилось.

Еще 7 февраля 1847 г. Ханыков переслал в Совет Общества свой доклад и ответы на замечания членов Общества, высказанные в частных беседах и в печати. Все эти материалы сохранились в Архиве Общества.

Возражая против взглядов о бесполезности и невозможности осуществления его предложения об издании словаря, Ханыков писал: «Чтобы объяснить, в какой степени это возражение основательно, считаю достаточным напомнить главную предполагаемую цель словаря, т. е. установление возможно однообразного точного употребления географических терминов. Находить это ненужным в географии значило бы то же, по моему мнению, что доказывать бесполезность усилий, дабы в ботанике под названием дуб некоторые не разумели березы, в

зоологии под понятие о слоне многие не подводили тигра или собаку, дабы в математической географии меридиан для всех означал полуденную линию, а не экватор или эклиптику для некоторых. Подобное утверждение казалось бы, конечно, странным в поименованных науках,— смею думать, что оно равно не основательно и в географии» [40, 1847 г., л. 7].

Противники Ханыкова отрицали возможность классификации географических предметов и явлений; по их мнению, нельзя было «установить разделение гор на высокие, средние и малые потому, что если принять за минимум первого класса 10 000 футов, то возвышения, имеющие 9999 футов безусловной высоты, должны быть отнесены ко второму разряду, хотя и представляют ничтожнейшую разницу с предыдущим». Признавая общее неудобство всякого определительного разграничения, Ханыков в то же время доказывал, что «странно было бы утверждать на этом основании невозможность и бесполезность разграничения», например, Европы и Азии, потому что на самих рубежах между ними не существует «разнохарактерности».

Что касается классификации горных районов, то Ханыков считал, что разделять горы по «одной безусловной высоте» не всегда правильно, «гораздо удобнее было бы сортировать изхолмления земной поверхности по переходам их за снежную линию и границам разных видов растительного царства» [там же, л. 9].

А. Б. Рихтер писал, что предложение Ханыкова имеет две главные цели: введение новых терминов, недостающих в нашем языке, и точное определение тех, которые существуют в нем. Первую цель Рихтер считал «важнейшею, но неисполнимою», так как «ученые Общества не вправе создавать новых слов и все опыты их в этом роде были неудачны, как свидетельствует, например, усилие русской Академии заменить некоторые перешедшие к нам из чужих языков выражения вновь составленными словами». По мнению Рихтера, «языки обогащаются только займами у наречий, что может быть сделано лишь без всяких усилий, медленно и народным употреблением» [там же, л. 11].

В ответ на это Ханыков писал, что в его предложении «не было и речи о создании новых слов,—говорилось лишь о дополнении ученой терминологии, разумея под этим преимущественно усвоение ею слов, или имеющих только местное употребление, но не получивших еще ученого характера по недостаточной определительности своей». Говоря о создании новых терминов, Ханыков считал, что их «потребуется весьма немного, а посему этого и нельзя назвать важнейшей частью предполагаемого труда, сверх того, сего никак нельзя сравнивать с попыткой русской Академии: там дело шло о замене, по желанию некоторых лиц, новыми словами выражений, уже укоренившихся и общеупотребительных; здесь же о введении в язык названий понятиям, которые не только не имеют еще у нас имени, но даже не существуют в народе, и о введении—посредством согласия ⁹/₁₀ лиц, занимающихся кругом знаний, к коему означенные понятия исключительно относятся» [там же, лл. 11—12].

На общем собрании 5 марта 1847 г. в защиту предложения Ханыкова выступил член Географического общества, петрашевец А. П. Баласогло. Его речь в основном была посвящена методам изучения России усилиями всех членов Общества. Он поддержал предложение Ф. П. Литке, высказанное в январе 1847 г., о проведении в Обществе широкой дискуссии по проблемам науки. Выступление Литке он воспринял так: «с наших уст снята свинцовая печать молчания. [Мы] выразили ясно и крупно, что мы постигаем свое призвание. Мы начали с методы».

На этом собрании Ханыков не присутствовал, так как был по служебным делам в Риге; он оставил своим представителем Н. А. Милютин — начальника городского отделения хозяйственного департамента министерства внутренних дел, автора ряда работ по статистике и экономической географии [7]. О том, как дальше разворачивалась дискуссия в Обществе, рассказывает Баласогло, речь которого сохранилась в Архиве Общества. Он сказал, что один из членов Общества (возможно, что это был В. Я. Струве) «высказал со всею полнотою, скажу даже, всею увлекательностью» свое убеждение в том, что нужно считаться с предложением только такого автора, который может его осуществить сам, и лишь тогда его труд, «а не слова и фразы, станет переходить от члена к члену... совершенствоваться... и совершаться без слова» [43, л. 3]. Против этого высказывания, в защиту Ханыкова выступили Н. А. Милютин и Н. И. Надеждин. Они «объяснили, за отсутствием Ханыкова, существо самого предложения и оправдали его и как мысль, и как поступок». Милютин и Надеждин доказывали, что таким путем, как предлагали противники Ханыкова, «невозможно, или не всегда возможно, или, наконец, неуместно и несвойственно члену Общества приступать к исполнению своей мысли».

Баласогло считал, что это было «основным положением, общемою темою, очевидною внутренней пружиною столь жарких прений всего того вечера, и в течение самого заседания, и еще более после заседания, когда собрание, раздвинув стулья, рассыпалось по комнатам и стало сходитья в нетерпеливые, переменчивые, волнующиеся кружки».

Из проходившей в Обществе дискуссии Баласогло сделал важный вывод о том, что «самый первый жизненный вопрос всякого общества есть всеобщий вопрос разума и методы». Это положение он считал неоспоримым. «Это факт действительности, который повторяется всегда и везде и будет повторяться вечно». Отвечая на вопрос: «какую же из метод принять нам в начало? Ту ли, которая говорит „сперва действуй!“; или ту, которая возражает „нет, сперва говори!“» — Баласогло считал, что, «очевидно, не первую», так как по первой методе «будет действовать не общество, а один член, могущий вовсе не знать ни духу, ни направления, ни желаний своего общества, и, следовательно, действовать, может быть, совершенно напрасно и непременно неудачно, так как один человек всегда впадает в односторонность... Вы, как общество,— подчеркивал Баласогло,— должны действовать сперва на поприще отыскания методы, а значит,— говорить, говорить, говорить!» [там же, л. 4].

Баласогло дал уничтожающую критику «молчальной методы». «Не сговорись мы сначала,— писал он,— все и пойдет само по себе: моя мысль — сама по себе, а поправки моего друга — сами по себе; дополнения третьего — сами по себе, а вывод четвертого — сам по себе... И, наконец, выйдет то, что наше общее детище явится миру уродом».

Касаясь непосредственно предложения Ханыкова, Баласогло сказал, что оно, «сошедшее с мыслью Стефана, есть именно то, чем действительно должно заняться прежде всего каждое разумное общество, которое хочет сохранить свое достоинство, а след[овательно], и существование, нам прежде всего предстоит необходимость, установить, по крайней мере, в главных пределах наш научный язык... В этом нет никакого сомнения! Если некоторые из нас затруднились обязать нас своим сочувствием, скажу более, даже как бы старались набросить на предложение г. Ханыкова пред целой Европой невыгодную тень ничем не объяснимых сарказмов,— это, конечно, произошло от недора-

зумения и вследствие той системы, которая любит приниматься за дело без слова, ни с кем не посоветовавшись и не развеяв наперед всех последствий своего замысла» [там же, л. 14].

Говоря о членах Общества, старавшихся набросить на предложение Ханыкова «невыгодную тень», Баласогло, возможно, имел в виду А. Ф. Миддендорфа, не согласившегося с мнением Ханыкова о том, что его словарь «мог бы предупредить на будущее время несообразности, которые нередко встречаются в географических сочинениях, даже у известнейших ученых, например Гумбольдта, который Урал начинает Устюртом». Известно, что Миддендорф через Милютину попросил Ханыкова представить ему доказательство того, что Гумбольдт действительно причисляет Устюрт к системе Уральских гор.

Баласогло пишет, что выступление противников Ханыкова было «разрушено сильною и столь спокойною по своей силе благородной речью» Милютина, что им оставалось использовать последнее средство — «ухватиться за обыкновенный вопрос — вопрос уличенного неблаговоления: все это хорошо; но как это привести в исполнение? Мы видим теорию, но не видим практики... И опытная энергическая логика г. Надеждина, — писал далее Баласогло, — довела объяснение дела до самых первоначальных, так сказать, азбучных очевидностей его простоты и удобоисполнимости! Я не знаю, что еще можно сказать против этого предложения?» [там же, л. 14].

Часть своей речи Баласогло посвятил критике тех членов Общества, которые говорили: «Как нам понять, чего именно хочет ваше предложение? Покажите нам на деле хоть образчик, чего именно вы хотите?» С таким требованием к Ханыкову обратился В. Я. Струве.

Баласогло писал, что «никто в мире не откажется пояснить свою мысль», при условии что эти объяснения «требуют не для того, чтобы на них же основывать отрицание и утверждение самой мысли. Всяк будет рад представить образчик задуманного им труда». Но это условие Баласогло ни в коем случае не считал правилом.

«Как представить образчик, — писал он, — например, какой-нибудь экспедиции, которую кто-либо из нас желал бы предложить Обществу на его уважение? Как представить образчик карты той местности, которую кто-либо другой еще желал бы только составить карту при помощи Общества?.. Как сделать образчик той книги, тому изданию, которого необходимость хотел бы доказать третий и которого исполнение невозможно, даже в виде образчика, без совокупного труда всех или почти всех членов Общества?»

Баласогло считал, что предложение Ханыкова подходило под последнюю категорию. Но образец в две-три страницы «определений технических слов», по мнению Баласогло, ничего бы не дал. Принципы составления словаря «вырабатываются совокупною думою целого Общества или, по крайней мере, особого комитета, представителя всего Общества, при соображении всех возможных обстоятельств, которые может обнаружить только само дело, когда оно поднято на ноги и пущено в самый полный и широкий ход» [там же, л. 18].

«Я не знаю, — писал далее Баласогло, — как понимает самый ход совершения этого предприятия г. Ханыков; я слышал только то, что он в чем-то не соглашается относительно этой стороны предмета с кн. Одоевским, который предлагал ему свой способ; и я [понял, что] способ г. Надеждина, совершенно непохожий на средства кн. Одоевского. Кто знает, может быть, есть и еще мнения, невысказанные, не успевшие или не хотевшие высказываться вдруг, по краткости ли времени или по неблагоприятным для них предзнаменованиям?»

Глубокий и принципиальный подход Баласогло к организации на-

учной работы Общества привел его к правильному выводу о том, что: «образчики труда, как *труда*, а не мысли, совершенно бесполезны там, где дело идет пока именно еще только о мысли, о зачатии, и о разуме дела, а не о самом деле. Кто не может или не хочет видеть идеи в ее естественной первоначальной форме, в слове, тот решительно ничего не увидит в мертвых лоскутках бумаги». Баласогло считал, что к образчику «легче можно привязаться, чем к общей мысли предприятия, и, заманив таким образом эту общую мысль в незримый его капкан тесной частности, где ей негде развернуться, тут же ее и прищелкнуть авторитетным сарказмом» [там же, л. 18].

Баласогло задал собранию справедливый вопрос, почему ни один из «преследователей мысли» Ханыкова не потребовал образчика от Ф. П. Литке, который предложил подготовить к печати популярное издание «Географический ежегодник». Это предложение было гораздо труднее для выполнения, чем предложение Ханыкова, потому что, по мнению Баласогло, «словарь — дело самое обыкновенное в научной литературе, а ряд статей общенародного заманчивого и, следовательно, живописного изложения — еще задача современного искусства словесности».

В заключение Баласогло сказал: чтобы «не оставлять и последнего убежища недоразумению, я должен отвечать и на последний аргумент гг. противников осязательной мысли г. Ханыкова». На собрании кто-то сказал, что «предлагающий обязан представить свою мысль в труде еще именно для того, чтобы со стороны не подумали, что предлагающий хочет только навязать труд другим». По этому поводу Баласогло заметил, что нужно спрашивать, разумна ли предложенная мысль, а не то, будет ли исполнять ее сам предложивший, и если мысль принята к исполнению; «автор может хоть умирать: его мысль будет исполнена, без всякого с его стороны содействия».

Баласогло писал, что нельзя упускать из виду «общежительную природу человека», которая развивает его таланты и способности. «Один имеет дар мыслить — пусть он намыслит что-нибудь здоровое и откроет нам; другой имеет дар намечать, пусть он изложит нам данную мысль; третий имеет дар сообразить мысль с действительностью — пусть он сообразит и покажет нам, как ее привести в исполнение; четвертый имеет дар совершать принятую мысль, пусть он совершает! Все же мы будем всем им содействовать, а не заглаживать каждую порознь, в его роли, переводя его роль в чужую, ему совершенно несвойственную» [там же, лл. 19, 20]. Эти мысли Баласогло об использовании людей по способностям актуальны и в наши дни.

Из своего выступления Баласогло сделал важный вывод: «Общество должно сперва рассуждать, а потом действовать, — рассуждать тем более, чем более оно хочет действовать, сегодня рассуждать, завтра рассуждать, рассуждать каждый день, пока не совершится тот волшебный круг, из которого взлетит на очевидность всем его общая мысль, прекращающая все недоумения и споры».

Выступление Баласогло в Обществе не получило никакого отражения в протоколе собрания, где было только отмечено, что Н. А. Милютин и Н. И. Надеждин «сообщили изустно соображения свои по поводу предложения, сделанного действительным членом Я. В. Ханыковым о составлении словаря географической терминологии».

В материалах о дискуссии в Обществе, опубликованных в «Journal de Saint-Petersbourg», редактором этой газеты А. Б. Рихтером имя Баласогло тоже не упоминается. В отчете Рихтера о заседании Общества 5 марта 1847 г. отмечена важность для науки дискуссии о географической терминологии.

Касаясь непосредственно доклада Ханыкова, Рихтер писал, что «первоначальное предложение, которое мы осмелились признать нецелесообразным, вышло сильно измененным в речи Милютина и еще более в речи Надеждина». Он считал необходимым продолжить в печати обсуждение вопроса о географической терминологии.

По поводу предложения В. Я. Струве «дать образец такого издания, которое хотят осуществить», Рихтер заметил, что не лучше ли было бы «достичь цели более прямым путем?». Он предложил членам Географического общества установить премию за лучший труд по разработке географической терминологии и напечатать его за счет Географического общества. Тогда обсуждаемый вопрос перестанет быть «камнем преткновения».

При составлении словаря географической терминологии он отдавал предпочтение коллективному труду ученых и писал: «Воодушевите их всевозможным способом, предложите им свое содействие, но верьте в такой коллектив, как наше Общество — существо с сотней умов». Рихтер взял на себя обязательство составлять отчеты о заседаниях в Обществе, чтобы привлечь внимание публики и вызвать интерес к его трудам. «И если мы,— писал Рихтер,— разрешаем себе иногда дать свои комментарии, то это потому, что находим их на кончике своего пера». Редактор газеты выражал надежду, что его отчеты будут приемлемы для Общества.

Прочитав статью Рихтера в «Journal de Saint-Petersbourg», Ханыков 28 марта 1847 г. писал Н. А. Милютину: «С удовольствием заметил, что редактор его начинает находить возможным и небесполезным точное определение географических терминов; только я не понимаю,— писал далее Ханыков,— в чем состоит различие моего и вашего воззрений, о которых глухо говорится в отчете? Сколько помню, я знаю из протокола заседания, мы во всем с вами совершенно согласны; если же А. R[ichter] называет изменения моего предположения, то что он сам ознакомился с ним теперь — тогда кажется, он не вполне прав».

В этом письме Ханыков горячо благодарил Милютина и Надеждина за то, что они восстановили «истинный смысл» его предложения. Узнав о том, что Милютину как его представителю на собрании в Обществе В. Я. Струве и А. Ф. Миддендорф высказали свои возражения, Ханыков в этом интересном письме подробно отвечает на них. До Ханыкова дошли сведения, что Миддендорф «назвал себя уполномоченным целой партии. Признаюсь, я не ожидал,— писал Ханыков,— чтобы мирное предложение мое могло породить партию в нашем Обществе, и доселе приписываю слова г. Миддендорфа неточности выражения, будучи убежден, что вместо противной партии он хотел сказать противного мнения».

Ханыков считал, что замечания Миддендорфа не имели никакого отношения к существу его предложения, но он спешил ответить на них, чтобы показать свое уважение к замечаниям, сделанным его сочленами, как бы «незначительны они ни были». Повторяя сказанное им на собрании 5 февраля 1847 г., Ханыков писал: «Излагая превосходство теории классификации гор Гумбольдта сравнительно с системами Бюаша, Бюффона и Палласа, я присовокупил, что она однако же не вполне удовлетворяет требованиям географии как науки, ибо ведет иногда к соединению в одну группу гор, возвышенностей, географически совершенно разнородных, а в доказательство привел известное сочинение Гумбольдта *Asie Centrale* [37], где к системе Урала причислены высоты к востоку и югу от Яика лежащие, а именно Уркач, Караэйдир, Джамбукарган, Муходжары и Устюрт, которые совершенно отличаются, по моему мнению, от Уральского хребта наружным образованием, рав-

но как своеобразным влиянием на историческое развитие народов, и должны составлять особый разряд изхолмлений» [45, л. 30].

Для подтверждения этого Ханыков не только привел большое количество цитат из книги Гумбольдта «Центральная Азия», но и сослался на личную встречу с этим ученым в апреле 1844 г. «Гумбольдт не только не отвергал верности понимания мною его статьи об Урале,— писал Ханыков,— но даже удостоил меня некоторых словесных изъяснений, почему соединил в одну систему Урал и Устюрт».

Переходя к замечанию В. Я. Струве, Ханыков писал, что при всем его «глубоком уважении к авторитету» этого ученого он выражал сомнение в том, «будто Общество должно устаивать внимания делаемые ему предложения лишь в тех случаях, когда автор их докажет, что *умеет и может сам исполнять предлагаемое*. Такая предосторожность понятна, если кто просит какого-либо пособия от Общества для задуманного предприятия, но когда дело идет лишь о том, что бы оценить, полезно или нет для науки и возможно ли осуществление данной мысли, нет никакой надобности входить в оценку способностей и знаний лица, предлагавшего мысль. Сколько ученых-изобретателей наведены были на важные открытия безграмотными работниками» [там же, л. 34].

Получив письмо Ханыкова, Н. А. Милютин вместе со своим братом, профессором военной географии Военной академии Д. А. Милютиным, Н. И. Надеждиным и Г. Ф. Стефаном стали готовиться к продолжению дискуссии на очередном общем собрании 9 апреля 1847 г. Они составили обширную записку о разработке географической терминологии, которую представили в Совет Общества за подписью Д. А. Милютина.

В этой записке основные положения Ханыкова по поводу разработки географической терминологии получили поддержку и дальнейшее развитие. По мысли авторов записки, Общество должно было возглавить работу по сбору географических слов, «употребляемых в различных местностях».

«Если наука,— указывалось в записке,— соберет все подобные термины, анализируя частные признаки и характеризующие **каждый вид** географических понятий, то, идя далее, может раскрыть и **законы**, какими обусловливается и самое образование этих различных видов. Таким-то постепенным процессом от простого собирания слов народных наука восходит сперва к понятиям частным, потом к **общим и, наконец, к выводу самих законов**. Таким-то образом, с **накоплением материалов** проявляется теория, а вместе с нею устанавливается и терминология» [40, 1847 г., прил. 1, л. 18].

В специальном заявлении эти ученые писали, что **предложение об установлении географической терминологии** занимает **Общество** в последние два заседания. Оно заслужило одобрение **большинства**, но было «до сего времени предметом одних только **рассуждений словесных**, а потому не получило еще окончательного решения». Надеждин, Стефан и Н. А. Милютин «нашли нужным в письменном **изложении** развить этот вопрос во всех подробностях, указав **самые средства** практического исполнения предположенной работы» [40, 1847, л. 22]. Они просили Совет Общества обсудить записку Д. А. Милютина на ближайшем общем собрании.

9 апреля 1947 г. к этой просьбе присоединился профессор истории Военной академии И. П. Шульгин, который на собрании Общества в этот день «изъявил желание» нескольких человек, чтобы записка Милютина была «сообщена общему собранию». К этому же дню Ханыков через Н. А. Милютина переслал в Общество свою записку под заглави-

ем: «Разрешение вопроса: причисляет ли Гумбольдт возвышенности Устюрта к системе Уральских гор», которая сразу была передана А. Ф. Миддендорфу.

«Так как эта статья,— писал Миддендорф,— представлена в ответ на предложенный мною вопрос, то я имею полное право заключить, что г. Ханыков обвиняет Гумбольдта в несообразности в том отношении, что сей последний соединяет Устюрт с Уралом. Но это мнение было известно всем членам Общества, и, слыша со стороны г. Ханыкова обвинение на Гумбольдта, я никак не мог понять, какая находится связь между предложением Ханыкова об издании Географического словаря и мнением берлинского географа... каким образом предполагаемый г. Ханыковым словарь мог бы устранить подобного рода несообразности, [так как] такого рода ошибки поправляются только розысканиями на месте, а не терминологическими словарями, написанными в кабинете ученого» [41, 1847 г., л. 80].

Воспользовавшись отсутствием Ханыкова на собрании 7 мая 1847 г., где вновь был поставлен вопрос о составлении словаря, Миддендорф попросил секретаря Общества А. В. Головнина довести до сведения членов Совета его желание, чтобы записка Ханыкова «не была читана в общем собрании, но чтобы она была выложена на столе для просмотра гг. членам, обращающим на этот предмет особенное внимание» [там же, л. 75].

К записке Ханыкова «Разрешение вопроса: причисляет ли Гумбольдт возвышенности Устюрта к системе Уральских гор?» Миддендорф приложил свою записку, которую мы цитировали выше, а также оттиск статьи «Уральская экспедиция, предпринятая Русским географическим обществом», где разбирались высказывания Гумбольдта о связи Урала и Устюрта и критиковались «высочки и сидни» в науке за непонимание мыслей берлинского ученого.

Сам Гумбольдт в этом споре встал на сторону Ханыкова. Позднее Гумбольдт писал, что он уже «воспользовался многими драгоценными указаниями» Ханыкова, продолжительное пребывание которого в Оренбурге было «весьма полезно для ближайшего ознакомления с южной оконечностью Урала и степями, простирающимися на восток и юго-восток к Аральскому морю». Ссылаясь далее на карту Ханыкова [33], Гумбольдт писал, что Ханыкову принадлежит «важное для геологии замечание об отсутствующей горной цепи, которая бы соединила южную оконечность Мугуджарских гор Уральского хребта с северо-восточной оконечностью Устюрта. Горные хребты оканчиваются у северных истоков Чеган, а утесы чинка начинаются гораздо южнее» [14]. Такое же мнение об отсутствии связи между южной оконечностью Урала и Устюртом было у Е. П. Ковалевского, исследовавшего на месте этот район в 1839—1840 гг. [6].

7 мая 1847 г., как отмечено в протоколе общего собрания, В. И. Даль прочел статью о русских пословицах. За два месяца до этого собрания, 10 марта 1847 г., Даль обратился в Совет Общества с заявлением, в котором писал, что статья готова для обсуждения в Обществе, но он просит, чтобы эта беседа не попала в печать ранее, чем будет издана статья, и не вызвала бы кривотолков. Скорее всего Даль имел в виду отчеты Рихтера в «*Journal de Saint-Petersbourg*» [37] по поводу дискуссии в Обществе, где Рихтер критиковал Академию наук за неудачную попытку создать новые слова (например, ходырка вместо аллея или тихогром вместо пианино), которая проводилась по инициативе ее президента А. С. Шишкова и была направлена против языковой реформы Карамзина.

Даль, как известно, тоже занимался словотворчеством и включил

впоследствии в свой словарь ряд изобретенных им слов, например мироколица [атмосфера], небозем [горизонт] и др.

По заявлению Даля Совет Общества принял решение: предложить Обществу в ближайшем собрании «принять за правило, что гг. члены, желающие печатать свою статью о беседах и чтениях Общества, сообщали ее предварительно Совету».

9 апреля на общем собрании М. Н. Мусин-Пушкин от имени Совета объявил, что поскольку «заседания Общества не публичные и занятия в оных не подлежат обнародованию неограниченному, но находя полезным, чтобы о трудах Общества сообщались точные публике сведения, положил предложить Обществу, не угодно ли будет, для отстранения недоразумений, принять за правило: чтобы гг. члены, желающие помещать в газетах и журналах свои статьи о занятиях Общества в ежемесячных его заседаниях, сообщали их предварительно Совету» [42, 1847 г., л. 121].

Совет указал, что если это правило не будет принято общим собранием единогласно, то необходимо поставить его на тайное голосование. Но последнее не дало желаемых для Совета результатов. Общее собрание решительно выразило свой протест против попытки ограничить деятельность Общества его стенами.

В Архиве Географического общества сохранилось письмо Мусина-Пушкина, представляющее собой ответ Рихтеру на его вопрос, может ли он продолжать писать отчеты о заседаниях в Обществе. Мусин-Пушкин писал, что Литке, уезжая из Петербурга, передал ему письмо Рихтера «касательно помещения в ведомостях статей о заседаниях Географического общества, и вследствие этого» он уведомлял Рихтера, что Общество «считает весьма полезным отчетливое и добросовестное изложение своих занятий и с удовольствием будет видеть оное в печати от всякого своего сочлена» [41, 1847 г., л. 70].

7 мая 1847 г. на общем собрании Милютин читал записку об установлении географической терминологии. «Разработка ученой терминологии,— сказал он,— в сущности есть одно и то же, что и разработка самой науки». А так как «усовершенствование терминологии есть результат усовершенствования теории, то оно входит само собой в общие цели ученого общества, которое и содействует ему в том же смысле, как вообще содействует движению вперед самой науки».

Милютин обосновал необходимость коллективной работы членов Общества важностью накопления материалов для словаря и тем, что знания географические «более других требуют содействия Общества». Никакая деятельность индивидуальная, подчеркивал он, «не может достигнуть того, что легко совершается Обществом». Особенное внимание Милютин уделил проблеме изучения народных географических терминов, которые должны были стать «достоянием науки».

«С новыми терминами,— сказал Милютин,— волеются в науку новые понятия, которые обогатят ее материалом для разработки самой теории». Милютин предложил опубликовать в газетах специальное объявление о сборе географических терминов и для их изучения создать комиссию в составе 3—5 человек, а затем опубликовать в специальных томах «Записок Русского Географического общества» с приложением алфавитного указателя терминов.

Милютин подчеркнул, что на «новое издание не должно вовсе смотреть как на труд временный... Оно должно войти в круг постоянных занятий Общества: запас слов будет обогащаться бесконечно... предлагаемое Обществу предприятие будет постоянно способствовать движению вперед самой науки, не стесняясь в своем развитии никакими пределами, никаким сроком» [40, 1847 г., прил. I, л. 27].

21 мая 1847 г. записка Милютина обсуждалась на заседании Совета Общества, в присутствии помощника председателя М. Н. Мусина-Пушкина и членов Совета: М. П. Вронченко, В. Я. Струве, П. И. Кеппена, Г. П. Гельмерсена, А. И. Левшина, Э. И. Ленца и М. Н. Муравьева. На заседании рассматривался также проект объявления в газетах «об установлении терминологии».

Что касается терминологической комиссии, то 24 мая 1847 г. М. Н. Мусин-Пушкин писал Д. А. Милютину следующее: «Совет Русского географического общества, обратив внимание, что в записке, прочитанной Вами от имени нескольких членов в прошедшем собрании Географического общества, изложено желание, чтоб для занятий по известному предложению установить терминологию была учреждена особая комиссия, определил: пригласить Вас и гг. членов В. В. Григорьева, Н. А. Милютина, Н. И. Надеждина, В. С. Порошина, П. С. Савельева и Г. Ф. Стефана соединиться в комиссию для работы по сему предприятию». Ханыков почему-то не был включен в состав комиссии. Возможно, что члены Совета не согласились с его критикой авторитетов и отстранили его от этого дела. А может быть, его не включили по той причине, что он в это время находился в Риге.

В состав комиссии вошли крупные ученые, работавшие в различных отраслях географической науки: выдающийся географ и этнограф Н. И. Надеждин, видные востоковеды П. С. Савельев и В. В. Григорьев, военные географы Г. Ф. Стефан и Д. А. Милютин и выдающийся географ-экономист В. С. Порошин. Позднее в работе комиссии участвовал полковник М. Н. Богданович.

Руководящую роль в комиссии играл Н. И. Надеждин. Чернышевский писал, что Надеждин — один из «замечательнейших людей в нашей истории литературы, человек необычайного ума и громадной учености... человек, какого не являлось между нашими учеными со времени Ломоносова» [2, 145]. В 27 лет Надеждин стал профессором теории искусства и археологии Московского университета и редактором журнала «Телескоп». Деятельность Надеждина на этом поприще, продолжавшаяся всего 5 лет, оставила глубокий след в науке. В октябре 1836 г., как писал сам Надеждин, в его судьбе «произошел решительный поворот». За опубликование «Философического письма» П. Я. Чаадаева он был отправлен в ссылку в Усть-Сысольск, а позднее в Вологду. «Это, — писал Надеждин, — разорвало меня окончательно с эстетикой и археологией. Я перенес мои занятия на другое поприще, а именно на поприще географии и этнографии, сверх того, на сотрудничество в издаваемом тогда Энциклопедическом лексиконе. Я обратился к истории вообще и отечественной в особенности» [24, 66]. Во время «чаадаевской истории» министр народного просвещения Уваров сообщал Бенкендорфу, что Белинский «самое доверенное лицо Надеждина» [32].

В 1838 г., после отбытия ссылки, Надеждин выехал в Одессу. В 1841 г. по поручению Одесского общества древностей он совершил путешествие по славянским странам, а через год получил предписание министра внутренних дел Л. А. Перовского прибыть в Петербург на службу в это министерство. В письме к Григорьеву по поводу этого назначения Надеждин писал, что его одели в мундир, как в «погребальную плащаницу».

С 1842 г. до самой смерти Надеждин был редактором «Журнала Министерства внутренних дел», где опубликовал большое количество статей по экономической и физической географии и по этнографии, но без подписи автора. Савельев писал, что Надеждин «на каждую доставленную статью смотрел как на сырой материал, который следовало обработать, чтобы придать ему ученую и литературную форму. Не бы-

ло в журнале... ни одной страницы, которой бы не коснулось перо Надеждина» [24, 69].

В 1846 г. по рекомендации К. И. Арсеньева и В. И. Даля Надеждин был принят в члены Географического общества и вскоре выступил в Обществе с чтением статьи «Об этнографическом изучении народности русской» [23].

Григорьев писал, что эта статья «составляет едва ли не драгоценный перл... голос одной из самых систематических голов, какие только производила природа в последнее время» [11, 154].

Этот труд Надеждина имеет важное значение и для географии, которую он определял следующим образом: «География должна описывать „землю“ или, правильнее, „земной шар“, нами обитаемый. Что же она делает, чтобы выполнить свою задачу? Берет в рассмотрение все особенности, разнообразящие земную поверхность, представляя их, как они есть, там, где есть в местной раздельности, в то же время или, лучше сказать, тем самым освещает их большее или меньшее между собою соотношение и связь, так что все они укладываются под свои виды, виды под роды, и в заключение все бесчисленное разнообразие местных дробностей является чинным и мерным составом одного великого целого, именуемого „земным шаром“» [23, 153].

Заведующим работами комиссии был избран видный востоковед, нумизмат и археолог П. С. Савельев, связанный большой дружбой с Надеждиным и Григорьевым. После окончания филологического факультета Петербургского университета Савельев вместе с Григорьевым поступил в Институт восточных языков при Азиатском департаменте министерства иностранных дел. Но уже через год оба они переключились на литературную работу для Энциклопедического лексикона Плюшара и «Библиотеки для чтения», где опубликовали большое количество статей по географии, этнографии, истории и истории культуры Востока.

В 1839 г. Савельев сблизился с акад. Х. Д. Френом и по его совету стал готовиться к экспедиции в Среднюю Азию, которую предполагалось отправить под руководством Е. П. Ковалевского. И хотя «по политическим причинам» Савельев не был включен в состав экспедиции, он изучил огромную литературу и написал много работ о Средней Азии. В декабре 1846 г. по рекомендации Н. И. Надеждина, К. И. Арсеньева и В. В. Григорьева Савельев был принят в члены Географического общества. В 1848 г. Савельев опубликовал в изданиях Общества превосходную статью «Средняя Азия» [29], в которой, как писал Семенов, призывал «молодых русских ученых к путешествиям и исследованиям в глубине Азиатского материка» [30, 52].

В. В. Григорьев после усовершенствования в восточных языках в Петербургском университете уехал в Одессу, где с 1838 по 1842 г. преподавал восточные языки в Ришельевском лицее. После неудачной попытки перевестись в Московский университет Григорьев переехал в Петербург и поступил на службу в министерство внутренних дел, где стал помощником Надеждина по редактированию «Журнала Министерства внутренних дел».

В 1847 г. Григорьев был назначен членом комиссии для изучения быта чернорабочих Петербурга и членом Статистического комитета министерства внутренних дел. В этом же году он опубликовал без подписи автора важную для истории районирования России статью под названием «Опыт статистического распределения губерний и областей империи» [12]. В нашей литературе [3] было высказано мнение, что эта статья была написана Арсеньевым, так как трудно было предположить, что востоковед Григорьев мог интересоваться экономическим:

районированием России. Статья Григорьева была подвергнута справедливой критике Н. П. Огарева, высказывания которого по экономическому районированию не потеряли своего значения и до настоящего времени.

Григорьев был избран членом Географического общества в январе 1846 г. и вскоре после этого приступил к публикации серии статей, связанных с путешествием по России А. Гакстгаузена для изучения русской общины, но был вынужден прекратить эту работу. «Цензурные отношения,— писал он П. И. Кеппену,— не позволяют мне продолжать печатание отчета о превосходном труде прусского путешественника» [44 л. 2].

На первом заседании комиссии для разработки географической терминологии 4 июня 1847 г. было решено составить инструкцию для сбора географических терминов. Надеждин сообщил, что он отправляется по России для сбора народных терминов. Григорьев обязался для этой цели пересмотреть «Архангельские губернские ведомости». Савельев взялся собрать местные термины из других повременных изданий, а также обещал передать в Общество рукописный сборник беломорских слов, собранных его братом А. П. Савельевым (адъюнкт-профессором Казанского университета) во время путешествия на Новую Землю и Канин полуостров. Савельев сказал, что он будет вести переговоры с некоторыми моряками, которые, «как ему известно, собирали подобные слова». Г. Ф. Стефан обещал передать в Общество свою коллекцию географических терминов. Члены комиссии высказали желание ознакомиться с коллекцией географических терминов П. И. Кеппена.

7 июня 1847 г. на первой странице «Санкт-Петербургских ведомостей» была опубликована небольшая статья «От Географического общества». Оригинал ее, написанный рукой Н. И. Надеждина, сохранился в Архиве Общества. «В простом обыкновенном употреблении во всех краях и у всех народов,— писал он,— находится много слов для означения географических предметов, т. е. вида, объема, состава, качества и вообще всех свойств местностей, коих исследованием занимается география» [22].

В качестве примеров Надеждин приводит слова, которые существуют для «означения разных видов понижения земной поверхности: дол, долина, суходол, овраг, буерак, балка, ров, яма»; для «означения разных видов возвышенностей: гора, горка, пригорок, горище, угор, бугор, вьсь, холм, курган»; а для «означения разного способа и рода жительства» Надеждин приводит такие слова, как «город, пригород, местечко, предместье, посад, кочевье».

Много подобных слов, указывал Надеждин, уже вошли «в ученое употребление и тем обогатили географический язык, но большая часть их остается неизвестною, и потому для выражения какого-либо предмета или свойства изобретаются иногда неудачные новые слова или употребляются слова иностранные». Географическое общество обращалось «ко всем любящим отечественное просвещение» сообщать местные географические слова и выражения [22].

Первым на призыв Географического общества откликнулся петербургский мещанин Михайло Иванов. 27 июня 1847 г. он прислал объяснение 30 местных слов Ярославской губернии. Вместе с этим Иванов передал в Географическое общество атлас 1737 г. [1] и астрономический чертеж. В приложенном письме Иванов писал: «Любя науки и радуясь о всяком учреждении, приносящем честь и пользу отечеству, каково есть Географическое общество, принявшее на себя великий сей труд, [и] усмотрев из Полицейской газеты потребность объяснений

предметов, относящихся к географии, приступаю к описанию оных, как бы пояснению одних и тех же предметов, двояко называющихся, не распространяясь обширностью, но только по Ярославской губернии».

Географические «предметы», которые объяснил Иванов, связаны с городскими и сельскими поселениями Ярославской губернии, а также с ее поверхностью, реками, озерами, болотами, полями и лесами. Вот несколько примеров из его записки. Город Иванов определяет не численностью населения, а тем, что он имеет «уезд, уездные присутственные места и казначейство». Пригород, слобода пригорода или предместье — это «отдельные кварталы от центра города». «Упраздненный или заштатный» город не имеет ни уезда, «ни присутствий», но имеет ратушу. Слобода или посад иногда бывают отделены от города несколькими верстами, «управляются ратушей, жители все мещане».

Ям, или ямская слобода, — селение, где живут ямщики, и должен быть «станционный дом». Селом называют такое селение, «где находится дом помещика, но сие, — пишет Иванов, — несправедливо. Селом следует называть [селение], где есть церковь, хотя и нет господского дома». Сельцо — это такое селение, где «есть дом помещика, но церкви нет». Приселок «такое селение, где есть господская запашка земли и скотный двор, но помещик жительства не имеет, особого дома для его приезда нет». И, наконец, «деревни, — пишет Иванов, — все населены крестьянами разных ведомств, казенными, государственными, экономическими, свободными хлебопашцами и помещичьими» [40, 1847 г., прил. 2, л. 258].

Материалы Иванова представляют большой интерес для характеристики населенных пунктов дореформенного периода. Тип сельских поселений в этот период зависел от повинностей, которые несло крестьянское население по отношению к помещику или государству.

Для поощрения таких добросовестных корреспондентов Общества, как Иванов, комиссия для разработки географической терминологии признала полезным «объявлять изредка во всеобщее известие имена подобных вкладчиков». П. С. Савельев по поручению комиссии опубликовал в «Санкт-Петербургских ведомостях» статью о сообщении Иванова, где было отмечено, что Географическое общество, «с благодарностью приняв сообщение Иванова, признало полезным о таком ревностном участии его в деле науки довести до всеобщего сведения».

Второе заседание комиссии для разработки географической терминологии состоялось 26 сентября 1847 г. К этому времени было получено 200 местных географических терминов. Изучение их показало членам комиссии «недостаточность первоначального объявления о цели комиссии», поэтому было признано «необходимым сделать новое пояснение инструкции и для того проект ее сообщить впредь каждому из гг. сочленов для просмотра; окончательную же редакцию инструкции утвердить в следующее заседание» [40, 1847 г., прил. 1, лл. 53—54].

В Архиве Географического общества сохранилось 4 экземпляра инструкций с замечаниями членов комиссии. В первом варианте во вводной части инструкции подчеркивалась важность «обработки терминологии или языка, употребляемого наукой», для совершенствования самой науки. Язык географии как науки, писали члены комиссии, «почти весь существует уже в живом общеупотребительном языке людей. Тут нет такой необходимости, как в других науках, прибегать к составлению новых искусственных терминов. Географические предметы вообще так крупны и наглядны и притом столь близки и неизбежно прикосновенны к людскому быту, что для них везде придуманы местные наименования, точные и выразительные, как все, что выходит из уст

народа, под непосредственным влиянием живого созерцания действительности» [там же, л. 1].

Из этого «обширного запаса живых народных языков» географы используют термины «без критики, без системы». Вот почему Географическое общество решило «посвятить особые труды» на сбор и разработку географической терминологии. Географическое общество обращалось ко всем «любящим просвещение соотечественникам» с просьбой доставлять в Общество местные слова и выражения, относящиеся «к географическим предметам». Сюда авторы проекта инструкции относили «наименования различных видов, очертания, направления, состава и свойства земной поверхности, как сухой, так и покрытой водами [предметы физико-географические, орографические, гидрографические], названия особенных явлений природы, свойственных местностям, [предметы метеорологические, климатические — вообще фенологические], наименования разных видов расселения людей и всех вообще особенностей их быта, характеризующие разные местности [предметы этнографическо-статистические]» [там же, л. 3].

В Архиве Географического общества есть два экземпляра этой инструкции, почти сплошь исписанные пометами и замечаниями членов комиссии для установления географической терминологии. Н. И. Надеждин, по-видимому основной автор инструкции, написал: «С моей стороны нахожу удовлетворительным». Милютин предложил во многих местах инструкции вставить примеры, чтобы пояснить идеи, выраженные в инструкции «совершенно абстрактно». Он считал, что сбор местных географических слов и выражений не следовало ограничивать только пределами России. По мнению Г. Ф. Стефана, можно было обойтись без примеров, предлагаемых Милютиным. «Предмет наш,— писал Стефан,— давно обращал внимание на себя мыслящих людей, а от таких мы должны ожидать содействия». В. С. Порошин находил инструкцию неудовлетворительной, а Григорьев, соглашаясь с замечаниями Милютина, находил инструкцию «совершенно удовлетворительной». Он считал нужным, «не теряя времени на примирение мелочных разногласий, пустить это объявление в ход как можно скорее» [там же, л. 33].

К вводной теоретической части инструкции Д. А. Милютин сделал важное дополнение. В том месте, где говорилось, что «для многих географических понятий не оказывается приличных слов, тогда как они есть. Поэтому самые понятия не проясняются во всей полноте их оттенков... и остаются потерянными для знания». Милютин предложил вставить: «географическая наука еще не признала некоторых видовых оттенков, которые, однако ж, в языках народных имеют даже особые собственные наименования и, следовательно, стоило бы только подслушать эти народные выражения, чтобы вместе с ними внести в самую науку и новые понятия, обогатив ее новыми данными».

Новая инструкция комиссии для разработки географической терминологии теперь уже адресовалась к другой категории корреспондентов Общества. Для большего успеха своих предложений комиссия нашла нужным обратиться с просьбой «к людям специально образованным» и просила их собирать и доставлять местные, употребительные в народе слова и выражения, относящиеся к «географическим предметам».

В инструкции подчеркивалось, что Обществу нужны были «не одни слова, а вместе и точное их значение. Поэтому, чем подробнее будет описан предмет, означаемый словом, чем яснее указаны будут все отличительные его признаки и свойства, тем услуга Обществу будет важнее и полезнее» [там же, л. 44].

11 декабря 1847 г. Совет Географического общества утвердил в со-

кращенном виде представленную комиссией инструкцию и циркуляр «для лиц, кои пожелали бы содействовать ее трудам». Циркуляр был напечатан в количестве тысячи экземпляров, а инструкция — 5 тыс.

В декабре 1847 г. Ф. П. Литке предложил членам комиссии от своего имени вопрос: «как выразить по-русски Erdkunde? Каждый из нас,— писал он,— понимает все значение этого слова и согласится, что география, землеописание и пр. значит не то. Землезнание, землеведение ближе, но не клеется. Дарование такого слова русскому географическому языку было бы прекрасным дебютом комиссии» [там же, л. 55]. Можно считать, что сам Литке и «подарил» русскому географическому языку термин «землеведение». Против введения его в науку, но по разным причинам, выступили Д. А. Милютин и Г. Ф. Стефан.

Д. А. Милютин писал, что в слове Erdkunde не было надобности, так как уже имелись слова для «обозначения каждого вида или сферы знаний относительно земной поверхности и целого земного шара. Сведения о поверхности земной и ее внешнем виде в данный момент» Милютин называл географическими. «Сведения теоретические о самих законах устройства земного шара как тела физического» Милютин называл геологическими. «И, наконец,— писал он,— если еще теснее хотим выразить исследование о коре земной, то называем геогнозиею. Для чего же еще нужно слово Erdkunde?».

Эти высказывания Милютина вполне согласуются с его взглядами на географию, которые он высказал в книге «Критическое исследование значения военной географии и военной статистики» [20]. Милютин неправильно считал, что география не является наукой и она «всегда останется сборником одних данных» о земной поверхности, ибо в ней, «как в общем резервуаре, находят себе место все сведения о поверхности земной, без разбора целей и намерений, с коими сведения эти собираются, без различия отраслей наук, к которым они могут относиться» [20, 33—34].

Более глубокий ответ на вопрос Ф. П. Литке дал Г. Ф. Стефан. Он писал: «Слова „землезнание“, „землеведение“ не могут быть признаны соответствующими слову Erdkunde, во-первых, потому, что заключают в себе некоторую двусмысленность или сомнение в том, относится ли это знание или ведение до качеств различных родов земель в химическом или агрономическом отношении или до земли в смысле земного шара, и, во-вторых, потому, что слова „знание“ или „ведение“ не означают науки, как того требует немецкое слово Kunde; по этой же причине не удовлетворяет требованию и ближе подходящее слово познание земли (Erdkenntnis), если не присовокупить к нему условия как наука. Это ведет к заключению, что предлагаемое слово может равносильно переведено быть только составным выражением „наука познания земли“» [40, 1847 г., прил. 1, л. 58].

Из этого интересного высказывания Стефана видно, что при переводе слова Erdkunde у него возник вопрос, отнести ли это слово к региональной географии или почвоведению. В отличие от Милютина Стефан считал географию наукой и предлагал отразить это в переводе слова Erdkunde, что, по его мнению, означало: наука познания земли. Оно подходит к современному понятию «наука о земле». Здесь важно отметить, что в те годы между членами Географического общества существовали серьезные разногласия по методологическим проблемам географической науки, что не могло не влиять и на географическую терминологию.

А теперь вернемся к предложениям Ханыкова. Ханыков писал, что объяснение терминов не только окажет влияние на совершенствование географического языка, но и «поведет к объяснению важнейших

географических вопросов, откроет обществу случай и возможность не ограничиваться одним расширением фактической географии, но, возвысаясь до той степени, на которую возвели ее Гумбольдты и Рихтеры, упрочит права ее на место в кругу наук, что еще доселе отрицается, к сожалению, многими» [там же, л. 6].

Среди «многих» Ханыков имел в виду прежде всего Д. А. Милютин — его взгляды на физическую географию. Что же касается статистики (экономической географии), то она, по мнению Милютина, «имеет полное право называться наукой, имея свой определенный предмет, объем и цель, тогда как география есть сборник данных отдельных, без всякой взаимной связи, без всяких выводов» [20, 34—35].

У Ханыкова по этому вопросу было совершенно другое мнение. В то время, писал он, как статистика страдала «от неумеренной заботливости о развитии и усовершенствовании методологической части ее, география терпела... от того, что все внимание занимавшихся ею поглощено было фактической стороной науки... чем разъяснением основных географических понятий» [40, лл. 1—2]. Накопление географических данных без «систематического обрабатывания» Ханыков считал бесплодным, пренебрежение к географической теории вредным, а «ложное направление этой теории» губительным для науки [34, 7].

Летом 1848 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» была опубликована еще одна статья о работе комиссии по установлению географической терминологии, написанная ее членом, профессором политической экономии и статистики С.-Петербургского университета В. С. Порошиным, автором оригинальной работы «Критическая исследования об основаниях статистики» [26]. В этой работе он писал, что статистика (экономическая география) изучает отношения между землей и человеком, а предметом географии является земля. На лекциях в университете Порошин знакомил студентов с учением Фурье. У петрашевца А. В. Ханыкова — младшего брата Я. В. Ханыкова — во время следствия по делу петрашевцев найдены были записи лекций Порошина по курсу политической экономии, составленные студентом А. Якубовским.

Статья «Деятельность Русского географического общества», написанная Порошиным для широкого круга читателей, начинается с определения главного термина науки: «Что есть география?» «География, — пишет Порошин, — есть точное знание живых урочищ, их свойств внешних и внутренних. Предмет ее — шар земной или известная часть его; познание начинается с частей и стремится обнять целое».

Термин «урочище» Порошин определяет с помощью народных слов и выражений. Оно происходит от слова «урок»: «дать урок в книге или в поле». Пределы уроков, пишет Порошин, «указываются внешними знаками, перстом или шестом, отсюда понятие знака. В народе говорится: „оспа изурочила его“, т. е. оставила знаки на лице его, ямы и бугры...». Порошин пишет, что слово «урочище» широко применялось в межевании, которое всегда было тесно связано с географией, где «живыми урочищами» называли «естественные предметы, как ручей, овраг, край болота, холм и проч. ...Означение границ есть главная при этом цель, и потому, все что может служить знаком и мерою пространства, способствует межеванию» и районированию в географии — можно добавить сейчас.

Урочище, по Порошину, — «это громады Кавказа, уединенный Вайгач, система вод Днепра или Рейна». Они существуют в «естественной, самобытной своей целостности». Задача географии заключается в том, чтобы «узнать и определить их свойства, связь и соотношение, разга-

дать их влияние на человека». Такое определение географии для 40-х годов XIX в. было выдающимся событием в науке.

Далее в статье Порошин, опираясь на народное творчество, обосновывает необходимость коллективной работы членов Географического общества. «У славян,— пишет он,— есть пословица, выражающая мысль, что истина познается общими силами». Пословица эта состоит из трех слов — «все знают все». Она, по мнению Порошина, может служить девизом Географического общества, цель которого собирать, обрабатывать и распространять географические сведения о России и сопредельных странах.

«Россия обширна,— писал в заключение Порошин,— на таком пространстве местности очень разнообразны, а географический язык беден и бледен; нельзя же допустить, чтобы народ не заметил и не отметил живым словом местных различий» [27].

Взгляды Порошина на географию близки к взглядам другого выдающегося ученого-энциклопедиста — Н. И. Надеждина, которого, как мы уже отмечали, высоко ценил Чернышевский. Еще в 1837 г. Надеждин писал, что «содержание географии составляют местности. Местностями называются все отличающиеся друг от друга предметы... Эти предметы созданы или самою природой, или руками людей. Поэтому местности разделяются на природные и рукотворные. К первым принадлежат все так называемые живые урочища: моря, озера, реки, болота, горы, долины, ущелья, поля, леса, степи — все физические видоизменения пространства. Ко вторым относятся места, озаменованные пребыванием и работою людей,— города, села, деревни, укрепления, курганы, валы, окопы, дороги, мосты, перевозки» [21, 37].

Надеждин считал, что «это различие местностей принимается во внимание для разделения географии на физическую и политическую». То, что Надеждин относил к политической географии, сейчас мы относим к экономической географии. Интересное определение Надеждина дал и в обращении ко всем любителям просвещения для сбора географических терминов. «География,— писал он,— занимается изучением всех свойств местностей — их вида, объема, состава, качества». Такое определение географии не потеряло своего значения и до настоящего времени.

Другой член комиссии по установлению географической терминологии, Г. Ф. Стефан, внес в Совет Общества конкретное предложение, как изучать местности. Он предложил учредить при Отделении географии России особый топографический комитет, который бы комплексно исследовал земную поверхность. При этом сведения о природе, населении и хозяйстве, «письменные и графические», нужно было собирать только такие, которые «относились бы до характеристики родов местных предметов, а не индивидуально до каждого вида».

Сельскохозяйственные угодья Стефан рекомендовал изучать «по степени совершенства сельского хозяйства и по средствам края». При изучении рельефа местности, например, в отношении долин нужно было учитывать, «где они меловые, где углубленные *Auswaschungsthäter*, подъемные *Erhebungsthäter*, и таким порядком при каждом топографическом предмете исследовались бы его родовые признаки». «Такое воззрение на предмет топографии,— писал Стефан,— отличаюсь резко от сведений, доставляемых топографическими съемками и картами, имело бы пользу не только в ближайшем познании России, но и в самом производстве съемок, ибо было бы средство устранить неопределенность многих ныне употребляемых условных знаков» [40, 1847 г., л. 17].

По существу, Стефан предлагал новый метод детального изучения территории на основе широкого использования материалов топографи-

ческой съемки, который давал возможность исследовать развитие типов местности. Новый метод мог помочь и в изучении «свойств почвы», и в том, чтобы найти путь «к сближению однородных предметов для указания характеристики каждого» [там же].

В 1847—1849 гг. в комиссию для разработки географической терминологии поступило большое количество терминов из Астраханской, Воронежской, Иркутской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Саратовской, Тверской, Ярославской губерний, а также с Камчатки, с берегов Северного Ледовитого океана, Белого и Каспийского морей и с Украины.

«Бумаги», поступившие в комиссию, сохранились в архиве Общества. Они записаны Савельевым в особый список под номерами 1—54. Среди материалов имеются местные географические термины, присланные географами и путешественниками, историками и любителями географии. Географические термины, употребляемые в Саратовской губернии, и «Опыт простонародного языка, в алфавитном порядке изложенный» прислал член-корр. Статистического отделения министерства внутренних дел А. Леопольдов, автор интересных работ о Саратовском крае [18; 19].

«Термины географические, употребляемые в Сибири» доставил Н. С. Шукин, автор статьи «Географическая и этнографическая терминология Восточной Азии» [36]. Член-сотрудник Географического общества П. Ф. Кузмищев, автор статей о морской географической терминологии [15; 16], прислал «особенные слова, употребляемые жителями Архангельской губернии, [и] слова сибирские и камчатские».

Известный путешественник, географ, этнограф и ботаник А. И. Шренк передал в Общество географические термины, собранные им в 1837 г. во время путешествия по северу Европейской России, совершенного по поручению Ботанического сада Академии наук.

В примечании к статье «Областные выражения русского языка в Архангельской губернии» [35] Шренк писал, что уже после ее написания он познакомился с «собранием провинциализмов северного наречия», опубликованным жителем Архангельской губернии Кузмищевым в «Архангельских губернских ведомостях». Собрание Кузмищева как «долголетнего жителя северного поморья,— писал Шренк,— содержит в себе гораздо более слов, нежели сколько собрано их мною» [там же, 121].

Свою статью Шренк рассматривал как дополнение к работе Кузмищева. Из опубликованных в «Записках Географического общества» 350 областных слов и выражений Архангельской губернии Шренк отобрал географические термины и передал их в Географическое общество, где они сохранились в материалах комиссии. [40, 1847 г., прил. 2; лл. 116, 163].

Для примера приведем объяснение слова «тундра», взятое из материалов Шренка. «Тундра,— писал он,— слово, ныне вполне усвоенное русским языком, происходит от финского тунстури, которым означаются высокие плоские вершины гор, по возвышенному своему положению не производящие лесов, но покрытые мхами и порostами, сменяющимися низкими подгорными травами, а инде мелким кустарником, как в верхнем безлесном севере все равнины принимают свойства этих возвышенностей, то русские отнесли к ним общее название тундры. Самоедскому языку слово это совершенно чуждо» [там же, л. 138].

Важно отметить, что в статье «Областные выражения русского языка в Архангельской области» Шренк высказывает свои соображения по поводу дискуссии в Географическом обществе о словаре географической терминологии А. В. Ханыкова. Шренк предлагал составить

русский географическо-терминологический лексикон, который должен был стать сборником «всех выражений, употребляемых русскими в различных частях государства для обозначения местностей».

Главное внимание в этом лексиконе необходимо было обратить на «областные выражения всех стран России, их объяснение и производство, ибо,— писал Шренк,— что такое гора, это едва ли кому неизвестно, и значение этого слова русскому человеку не вздумается отыскивать в географическом лексиконе; но что такое хибен или варака, многие из нас не узнают, не наведя справки». Только для «означения скалы,— писал далее Шренк,— в русском языке северного приморья имелось семь слов: „корга, подводница, поливуха, пахта, стальник, луда, шерлопы“».

Шренк считал, что издание лексикона будет полезно, «и не для одних русских, а для иностранцев, занимающихся географическими или даже историческими исследованиями какого-либо отдельного края России. Но этот географический лексикон,— писал далее Шренк,— специально русский составит только малую часть того, что я понимаю под значением общего для России географического словаря. Этот последний будет содержать в себе изъяснение выражений, до местностей относящихся, употребляемых отдельно каждым народом России...» [35, 122, 123].

Шренк отметил важность лексикона и для картографии и топонимики. На картах, писал он, названия урочищ «до невероятности искажены и составляют ныне мертвое скопление букв, часто варварского звука и не имеющего для нас ни малейшего значения, не возбуждающее никакой мысли; если же мы будем понимать знаменование географических терминов народа той страны, то карта перед взором нашим оживится и понятные названия породят в уме идеи, которые поведут к розысканиям» [там же].

Предложение Шренка о составлении географическо-терминологического лексикона не снимало с повестки дня вопроса об издании словаря географической терминологии Я. В. Ханыкова, главной задачей которого была разработка географической теории. Словарь Шренка мог бы помочь выполнению этой задачи, так как в словарь должны были войти географические термины не только русского, но и других народов России.

Важно отметить, что в материалах комиссии для разработки географической терминологии встречается и имя В. И. Даля, автора четырехтомного «Толкового словаря живого великорусского языка» [13], удостоенного впоследствии высшей награды Общества.

30 декабря 1847 г. Даль обратился в комиссию для разработки географической терминологии с просьбой «о присылке ему на просмотр получаемых комиссиею статей» [40, 1847 г., прил. 3, л. 61].

Из материалов, поступивших в комиссию, видно, что в январе 1849 г. Даль передал в комиссию 273 слова «на обмен слов, не имеющих в его собраниях». О работе Даля над словарем и его связях с Географическим обществом можно получить некоторое представление из воспоминаний писателя и переводчика В. М. Лазаревского и его переписки с Далем, опубликованных сыном В. М. Лазаревского [17].

Личное знакомство Лазаревского с Далем произошло при следующих обстоятельствах. В 1847 г. Лазаревский при содействии своего брата Ф. М. Лазаревского, служившего попечителем киргизов в Орской крепости, был принят на службу в Оренбургскую пограничную комиссию. В это время в ссылке в Орской крепости находился Т. Г. Шевченко, друзья которого в Петербурге через В. М. Лазаревского доставили

украинскому ссыльному поэту и художнику «карандаши, краски, сигары, книги».

Уезжавшему обратно в Петербург в том же, 1847 г. В. М. Лазаревскому Шевченко передал свою просьбу: «освободить меня от солдатства может только Василий Алексеевич Перовский, у Перовского же, лучше всякого другого, мог бы хлопотать Даль, лично ему человек совершенно близкий» [17, 545].

По приезде в Петербург Лазаревский сразу написал Далю, который в связи с просьбой Шевченко ответил так: «Умные люди о таких вещах по городской почте не пишут». При содействии Даля Лазаревский получил место чиновника в Особенной канцелярии министерства внутренних дел. Чтобы занять вакантную должность, Лазаревский по приказанию министра внутренних дел Л. А. Перовского должен был написать конкурсную записку об освобождении крестьян.

С 1841 по 1849 г. Особенную канцелярию возглавлял Даль. Лазаревский пишет, что последний год службы Даля в этой канцелярии до его отъезда в Нижний Новгород он сидел с Далем «стол-о-стол». «Даль,— писал Лазаревский,— был бесспорно первый человек в министерстве... Унаследовал ему Надеждин, но только по научной стороне деятельности графа [Перовского]. Деловая интимность его сосредоточивалась [за отъездом Ханыкова] на Н. А. Милютине, на которого исключительно работал Надеждин».

Большой интерес представляют воспоминания Лазаревского о служебных занятиях Даля, который в эти годы получал большое количество посылок с «местными словами» по циркулярам разных управлений, и в особенности от директоров гимназий. «Все это,— писал Лазаревский,— списывалось в канцелярию в азбучном порядке, на лентах, ленты назывались на нитки, укладывались в картонки по губерниям, по говорам. Были полосы, что все писцы занимались этим исключительно, да еще перепискою сказок, пословиц, поверий и т. п., которые доставлялись Далю во множестве отовсюду» [17, 249].

Лазаревский пишет, что «самый воздух этой канцелярии был до того пресыщен русскою филологией», что скоро и он втянулся в это дело и стал составлять «Малороссийско-русский словарь», который, по мысли Даля, должен был стать частью полного словаря «отечественного языка». С отъездом в июне 1849 г. Даля в Нижний Новгород в качестве управляющего Удельной конторой канцелярия «осталась трупом». С этого времени между Далем и Лазаревским завязалась оживленная переписка.

В октябре 1849 г. Даль писал Лазаревскому: «Занимаюсь пословицами, хочу их кончить; тогда уже за словарь. Ради бога, устройтесь таким образом, чтобы ваш словарь не мог сгинуть; это уложило бы меня до времени в могилу».

Из этого письма видно, что Даль хотел приступить к работе над своим словарем примерно в то же самое время, когда комиссия по разработке географической терминологии решила приступить к систематизации собранных ею материалов.

В марте 1850 г. Даль писал Лазаревскому: «За труд Ваш в словаре не смею и благодарить: вы работаете для дела, как и я, и каждому из нас придется своя доля признательности общей, если мы успеем в начатом» [17, 553]. Даль по-прежнему интересовали материалы, собранные комиссией для разработки географической терминологии. Он в шутилом тоне просит Лазаревского передать поклон писцу Географического общества Шварцу и обещает, «если он не пришлет подачки из Географического общества, прижать до слез брата его, который вступает на службу в контору» Даля.

В июле 1850 г. Даль опять просил Лазаревского прислать материалы из Географического общества. Он писал: «Начал разработку языка по наречиям и зимою, вероятно, кончу. Если вам работа надоела, пожалуйста, пришлите как есть, все-таки труда вашего много и много спасибо. Да нельзя ли хоть выписать слова, поступившие после меня в Географическое общество? Вот этим бы крайне одолжили; поговорите с Шварцем. Ведь общеизвестные не нужно, с выбором, и потому работы было бы не очень много,— а?».

В это время активность комиссии для разработки географической терминологии резко упала. В апреле 1849 г. было арестовано восемь членов Общества, замешанных в деле петрашевцев, в том числе и Баласогло, сосланный под секретный надзор в Петрозаводск. «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» [25], основные статьи которого были написаны М. В. Петрашевским, был почти полностью конфискован, а Петрашевский отправлен в бессрочную каторгу в Сибирь.

Возможно, что в связи со всеми этими обстоятельствами Савельев вынужден был написать, что в 1850 г. «терминологическая комиссия ровно ничего не сделала, ни на волос не подвинула дела вперед». В январе 1851 г. из состава комиссии вышел Порошин, уволенный за несколько лет до этого из Петербургского университета за свое прогрессивное мировоззрение. В письме к секретарю Географического общества Н. К. Гирсу Порошин в начале 1851 г. писал, что он чем мог содействовал «прекрасной цели» комиссии, а ныне просит Совет уволить его от этого звания.

Последнее заседание комиссии состоялось 17 марта 1851 г. Надеждин предложил соединить вместе географические термины, вошедшие в лучшие русские словари. На Ханыкова, назначенного в начале 1851 г. секретарем Общества и членом комиссии для разработки географической терминологии, была возложена работа по систематизации всех собранных материалов.

Но активная деятельность Ханыкова в Обществе продолжалась недолго. В начале 1852 г. в связи с назначением его на должность Оренбургского гражданского губернатора Ханыков вынужден был оставить Общество и выехать в Уфу.

В это же время, по случаю отъезда в Оренбург, прекратилась деятельность в комиссии и Григорьева. В январе 1852 г. накануне отъезда в Уфу Ханыков сообщил Совету Общества, что закончена выборка географических терминов из Академического словаря. Эту работу выполнял Лазаревский.

Ханыков не случайно привлек к составлению словаря географической терминологии ближайшего сотрудника Даля — Лазаревского. Даля и Ханыкова связывала давняя дружба, начавшаяся еще в Оренбурге, где с 1836 по 1841 г. они служили под начальством Оренбургского военного губернатора В. А. Перовского. Даль, как известно, был членом-учредителем Географического общества. Через два месяца после основания Общества он предложил вместе с Г. П. Гельмерсеном избрать членами Общества Я. В. и Н. В. Ханыховых и В. В. Григорьева. И, конечно, Ханыков обсуждал с Далем программу Русского словаря географической терминологии и ход дискуссии о нем в Обществе.

В письмах к Лазаревскому, о которых шла речь выше, Даль дважды упоминает Ханыкова. В первый раз он писал, как был обрадован тем, что Ханыков нашел его дневник Хивинского похода, а второй раз просто спрашивал Лазаревского: «Что Ханыков?». В начале 1852 г., не имея возможности продолжать работу над словарем из-за отъезда в

Уфу, Ханыков с согласия Совета просил В. А. Милютину передать все материалы комиссии для разработки географической терминологии Лазаревскому для систематизации и обработки.

Лазаревский работал над материалом комиссии около года, а затем результаты своей работы передал для окончательного завершения Далью. Получив 8 декабря эти материалы, Даль писал Лазаревскому следующее: «На письмо ваше, Василий Матвеевич, от 3 ноября не хотел отвечать до получения словаря, который прибыл 1 декабря, а там дней пяток я прихворал. Наперед всего, искреннее спасибо за этот труд, я вовсе не думаю вскоре окончить этой работы — досугу и здоровья мало; но предполагаю, что и вам едва ли будет время заниматься им и окончить. Я желал или предпочитал синицу в руках журавлю в небесах. И так спасибо» [17, 556]. Через три дня Даль опять писал Лазаревскому, предполагая, что он «прогневался», и просил прислать «Малороссийский словарь».

15 января 1853 г. секретарь Географического общества В. А. Милютин по поручению Совета обратился к Лазаревскому с просьбой передать ему на время все географические термины, собранные комиссией для разработки географической терминологии. Вместе с этим Милютин просил Лазаревского сообщить Совету, «в каком положении находится ныне эта работа и можно ли ожидать скорого ее окончания» [40, 1847 г., л. 74].

Отвечая на этот вопрос, Лазаревский писал: «Если Совету угодно будет позволить мне воспользоваться возвращаемыми теперь материалами, для некоторых при работе справок и дополнений, я мог бы надеяться окончить помянутый свод в продолжение шести месяцев сего года» [там же, л. 75]. Обратного материалов из Общества Лазаревский не получил. По-видимому, Совет Общества ему не доверял и вообще считал несвоевременным издание русского словаря географической терминологии ввиду тяжелых цензурных условий, в которые было поставлено Общество после разгрома петрашевцев.

Еще в 1850 г. Д. А. Милютин, А. П. Заблоцкий-Десятовский и К. С. Веселовский внесли в Совет Общества предложение об издании географическо-статистического словаря России, в который можно было вместить «разнообразные факты без подчинения их тому или другому направлению» [5, 395]. С этого времени в Обществе началась работа по подготовке к печати «Географическо-статистического словаря России», завершившаяся в 1886 г. изданием его пятого, последнего тома.

Хотя материалы дискуссии в Географическом обществе о Русском словаре географической терминологии Я. В. Ханыкова не были опубликованы, они оказали большое влияние на дальнейшую деятельность Географического общества и развитие географической науки.

Во время дискуссии были обсуждены важнейшие вопросы географической теории, доказаны преимущества коллективной работы членов Общества над основными проблемами географической науки, обоснована необходимость обобщения народного опыта изучения географии и сбора географической информации через любителей географии в различных районах России. Осуществление на практике одобренных на дискуссии методов работы позволило Географическому обществу внести большой вклад в изучение России и стран Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас, сочиненный к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг, СПб., 1737.
2. Берлинер Г. Чернышевский о Белинском,— «Литературное наследство», М., 1936, т. 25—26.
3. Вальская Б. А. Обзор опытов районирования России с конца XVIII в. до 1861 г.,— «Вопросы географии», 1950, сб. 17.
4. Вальская Б. А. История составления и издания Географическо-статистического словаря России П. П. Семенова,— «Вопросы географии», 1951, сб. 24.
5. Вальская Б. А. Первые попытки описания России Географическим обществом,— «Вопросы географии», 1953, вып. 31.
6. Вальская Б. А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского, М., 1956.
7. Вальская Б. А. Николай Алексеевич Милютин. Отечественные экономико-географы, М., 1957.
8. Вальская Б. А. Вклад Русского географического общества в изучение стран Востока, М., 1960.
9. Вальская Б. А. Проблемы изучения географических названий в истории Географического общества СССР,— «Повідомлення Української ономастичної комісії», в. II, Київ, 1967.
10. Вальская Б. А. Яков Владимирович Ханыков,— «Страны и народы Востока», 1970, вып. X.
11. Веселовский Н. И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881. Составил Н. И. Веселовский, СПб., 1887.
12. Григорьев В. В. Опыт статистического распределения губерний и областей империи,— «Журнал Министерства внутренних дел», 1847, ч. XIX.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1863—1866.
14. Завьялов В. В. Успехи развития азиатской географии в последние пятнадцать лет,— «Оренбургские губернские ведомости», ч. неоф., 6.XII.1852.
15. Кузмищев П. Собрание особых поморских и речных слов, употребляемых на Восточном океане и в Восточной Сибири,— «Записки гидрографического департамента Морского министерства», 1846, т. IV.
16. Кузмищев П. Дополнение к собранию беломорских слов,— «Записки гидрографического департамента Морского министерства», 1848, т. VI.
17. Лазаревский В. М. Из бумаг В. М. Лазаревского,— «Русский архив», 1894, вып. 8.
18. Леопольдов А. Исторический очерк Саратовского края, М., 1848.
19. Леопольдов А. Исторические заметки о Самарском крае,— «Журнал Министерства внутренних дел», 1860, ч. XII, кн. 6.
20. Милютин Д. А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики, СПб., 1846.
21. Надеждин Н. И. Опыт исторической географии Русского мира,— «Библиотека для чтения», 1837, т. 22.
22. Надеждин Н. И. От Русского географического общества,— «Санкт-Петербургские ведомости», 7.VI.1847.
23. Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской,— «Записки Русского географического общества», 1849, кн. I—II.
24. Надеждин Н. И. Автобиография,— «Русский вестник», 1856, т. II.
25. [Петрашевский М. В.] Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, вып. II, СПб., 1846.
26. Порошин В. С. Критические исследования об основаниях статистики, СПб., 1838.
27. Порошин В. С. Деятельность Русского географического общества,— «Санкт-Петербургские ведомости», 22, 23.VI.1848.
28. Р. И. В собрании Русского географического общества,— «Санкт-Петербургские ведомости», 27.III.1847.
29. Савельев П. С. Средняя Азия. Обзорные географические открытия и путешествий, совершенных в Средней части Азии с древнейших времен до наших дней. Карманная книжка для любителей земледения, издаваемая от Русского Географического общества, 1848, СПб., 1849.
30. Семенов П. П. История полувековой деятельности Русского географического общества, СПб., 1896.
31. Собрание Русского Географического общества,— «Санкт-Петербургские ведомости», 22.II.1847.
32. Соколов Н. А. Надеждин и Белинский, Л., 1948, [Тезисы диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук].
33. Ханыков Я. В. Карта земель киргизов Внутренней и Малой орды,— «Журнал Министерства внутренних дел», 1845, ч. 10.

34. Ханыков Я. В. Географические очерки Оренбургского края,— «Оренбургские ведомости губернские», ч. неоф., 1853, № 1.
35. Шренк А. И. Областные выражения русского языка в Архангельской губернии,— «Записки Русского Географического общества», 1850, кн. IV.
36. Шукин Н. С. Географическая и этнографическая терминология восточной Азии,— «Вестник Русского географического общества», 1856, ч. 17.
37. [Humboldt A.] Asie Centrale. Recherches sur les chaînes de montagnes et la climatologie comparée par A. Humboldt, vol. 1—3, Paris, 1843.
38. [Richter A. B.] Société Geographique,— «Journal de Saint-Petersbourg», 14/26II. 1847.
39. [Richter] A. Société Geographique,— «Journal de Saint-Petersbourg», 12/24.III.1847.
40. АГО (Архив Географического общества СССР), ф. I, оп. I, № 5.
41. АГО, ф. I, оп. I, № 2.
42. АГО, ф. I, оп. Ia, № 1.
43. АГО, р. 110, оп. I, № 218.
44. ЛОААН (Ленинградское отделение архива Академии наук СССР), ф. 30, оп. 3, № 70.
45. ЦГИА (Центральный Государственный исторический архив), ф. 869, оп. I, № 1102.